

Anna Chudzińska-Parkosadze

Проблема грузинской идентичности на пороге XXI века

The problem of Georgian identity at the threshold of XXI century

В настоящее время понятие идентичности вовсе не является термином однозначным и однородным. Одной из причин этой расплывчатости можно считать свойственный этому понятию признак менять свое значение в зависимости от времени и пространства, к которым оно применяется. Идентичность динамична, а ее трансформация обусловлена тенденциями развития культуры и общества. Основой идентичности является интерпретация действительности как в материальной, так и в духовной сфере, так как она проявляется в реальном и символическом восприятии человеком окружающего мира. Соответственно, эквивалентом идентичности можно считать мировоззрение и самосознание¹.

Современная интерпретация феномена идентичности выросла из концепции разделения ее на разные виды: социальную, личную, я-идентичность и т.д. Одним из главных факторов идентичности считается социальная интеракция, понимаемая как совокупность свойств, продуцируемых в ходе социального взаимодействия (Дж. Г. Мид). Само общество всегда рассматривалось в виде объективной и субъективной реальности, которая отличается диалектическим характером развития. Следовательно, идентичность формируется главным образом в процессе социализации индивида в конкретном обществе (П. Бергер и Н. Лукман)².

---

¹ Т. Paleczny, *Socjologia tożsamości*, seria „Rejony Humanistyki”, nr 1, Kraków 2008, с. 19–22. Так воспринимали идентичность Р. Бенедикт (См.: R. Benedict, *Wzory kultury*, tłum. J. Prokopiuk, Warszawa 2002); Р. Линтон (См.: R. Linton, *Kulturowe podstawy osobowości*, tłum. A. Jasińska-Kania, Warszawa 2000); З. Фрейд (См.: Z. Freud, *Wstęp do psychoanalizy*, tłum. K. Obuchowski, Warszawa 1984); К.Г. Юнг (См.: C.G. Jung, *Analiza marzeń sennych*, tłum. R. Reszke, Warszawa 2002).

² И.В. Барышникова, *Понятие идентичности в социологическом дискурсе*, «Вестник Волгоградского государственного университета» 2009, серия 7, вып. 2 (10), с. 166–167.

Тема грузинской идентичности включает в себя как минимум три типа идентичности: национальную, этническую, и государственную. Грузинская национальная идентичность относится к идее нации, образованной по модели расы и принципу «крови». Эта модель предопределяет идентичность индивида самим фактом рождения «грузином», «азербайджанцем», «армянином» и т.д. В такой ситуации настоящее индивида предопределено прошлым его семьи и общества. Данная модель может порождать сильную психическую связь индивида с обществом, особенно в крайних ситуациях. Тогда в воображении населения создается сообщество, объединенное совместным пребыванием в чрезвычайных ситуациях и комплексом жертвенности. В конструировании национальной идентичности важную роль также играет ура-патриотизм³.

Этническая идентичность в свою очередь основывается на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории рождения и проживания⁴. В контексте грузинской идентичности этнический и национальный вопросы играют первостепенную роль, дополняя друг друга в плане социально-культурного дискурса. Государственная идентичность подразумевает отождествление индивида с конкретным геополитическим пространством, находящимся в процессе цивилизационного развития. Для этого типа идентичности имеют значение представления о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Причем потенциальная совместимость этнической и государственной идентичности возможна лишь в условиях построения государством системы взаимоотношений, в которой приоритетом является взаимопонимание⁵.

Грузинская идентичность представляет собой синтез этнической, национальной и государственной идентичностей. Однако, такая модель грузинской идентичности внутренне разделяется на два типа – на совокупность этнической, национальной и государственной идентичностей и на совокупность национальной и гражданской идентичностей. Первый тип включает в себя отдельные этнокультурные группы, составляющие грузинскую нацию (мегрелы, кахетинцы, сваны, хевсурцы, аджарцы, гурийцы, и т.д.). Второй вид относится к национальным меньшинствам, проживающим на территории Грузии: азербайджанцы (6,5 %), армяне (5,7 %), русские (1,5 %), греки (0,3 %), украинцы (0,2 %), и др. Национальные меньшинства в целом составляют около двадцати процентов всего

---

³ Ф. Раджабова, *Проблема взаимодействия государственной, гражданской и этнической идентичностей*, в: *История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде*, под ред. Р. Раджабова, С. Григоряна, В. Колбаи, 2010, с. 119, <http://www.acgrc.am/TheSouthCaucasusAndOtherRegionsInTransition.pdf> (5.09.2015).

⁴ Там же, с. 122.

⁵ Там же.

населения Грузии. С другой стороны, большинство граждан Грузии армянской, русской или азербайджанской национальности не считает себя представителями меньшинств. Их самоидентификация сложным образом связана с государством проживания, но при этом они сохранили те черты национальной идентичности, которые определяются происхождением. Возникновение такого редкого социального феномена было вызвано сложными историческими судьбами кавказских народов и спецификой общекавказского менталитета, в основе которого лежит гостеприимство и дружелюбное отношение к людям.

Ментальность, которая в равной степени связана с сознанием и подсознанием, формирует ценностные установки и стереотипы поведения. Эти поведенческие стереотипы часто влияют на ход политических процессов и определяют их⁶. В становлении грузинской ментальности ключевыми аспектами являются сознание принадлежности к «кавказской семье» народов, т.е. народов Кавказа, и знание истории своей страны. Кавказская идентичность подразумевает сознание общности народов, проживающих на Кавказе как географической, а не геополитической территории. Этот тип идентичности включает в себя идентичности отдельных наций: грузинской, армянской, азербайджанской, чеченской, дагестанской, черкесской, ингушской, и т.д. Понятие кавказской идентичности можно разделить также по принципу выделения идентичностей отдельных этнических групп, которые входят в состав конкретных наций.

Обсуждая вопрос кавказской идентичности, необходимо отметить, что в ее контекст включено понятие национального характера, национальных традиций, исторической и культурной идентичностей. Такое национальное многообразие могло создать феномен единой самоидентификации благодаря этнической и конфессиональной толерантности и реальным тесным межэтническим отношениям и взаимодействиям⁷. Кавказская идентичность базируется на таких составляющих, как общая территория проживания, сходный менталитет и схожих культурных традициях. Основой кавказского менталитета являются связь «по крови» и патриархальность. Кроме того, все кавказские нации ментально связаны с землей. Именно на этом основании происходит ментальное разделение на «своего» и «чужого», т.е. того, кто уважает законы этой земли и прожи-

⁶ Г. Оганесян, *Роль и значение менталитета в социально-политических процессах, в: История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде*, под ред. Р. Раджабова, С. Григоряна, В. Колбаи, 2010, с. 191, <http://www.acgrc.am/TheSouthCaucasusAndOtherRegionsInTransition.pdf> (5.09.2015).

⁷ В. Колбая, *Современный мир и процесс идентификации – Кавказская идентичность. Соотношения: нация, национальный характер, национальные традиции, историческая и культурная идентичности*, в: *История и идентичность: Южный Кавказ и другие регионы, находящиеся в переходном периоде*, указ. соч., с. 201.

вающих на ней людей, и того, кто их нарушает. Подобный антагонизм в кавказских условиях обычно становится вопросом жизни и смерти.

Таким образом, кавказскую идентичность можно определить и рассматривать также как кавказский этнос, несмотря на множество национальных и этнических разновидностей кавказских народов. Кавказский этнос подразумевает общий характер культуры и самосознания. Он отличается конкретно определенным местом и ролью женщины и мужчины в общине, приоритетным значением семьи (причем в нее могут быть включены также друзья), схожим характером танцев, песен, музыки, обычаев застолья, кухни и т.д. Кавказский этнос – это традиция, выработанная горцами, для которых первостепенное значение имеет историческая память и этнонациональные обряды.

Рассматривая более конкретно вопрос о грузинской идентичности, необходимо определить главные черты грузинского характера. Итак, грузинскому национальному характеру присущи жизнеспособность, этническое разнообразие, единство в многообразии, высокая преданность своей нации, труд на земле. Однако историческая память приобретает в рамках грузинской идентичности часто неблагоприятный характер, ограничиваясь представлениями о собственном величии, становясь порой тормозом в развитии⁸. Все чаще подчеркивается, что за последние годы усилились попытки написания «большой», «синтетической» истории Грузии, а именно в обобщающих исследованиях по грузинской истории, призванных стимулировать развитие тех трендов в грузинской идентичности, которые связаны с восприятием Грузии как одной из величайших наций в Европе, а грузинской истории как части европейского исторического процесса⁹. По мнению некоторых ученых, такой подход к собственной истории может приводить к развитию националистических тенденций¹⁰.

Проблема грузинского национализма часто поднимается российскими учеными, которые утверждают, что в Грузии сейчас наблюдается эксплуатация национальной памяти и конструирование новых политических, культурных и исторических мифов, а националистический дискурс развивается в условиях постоянной этнизации и радикализации¹¹. Для того чтобы попытаться более объективно взглянуть на эту проблему, следует отнестись к дефиниции национализма и патриотизма. Итак, разница между национализмом и патриоти-

---

⁸ Там же, с. 204.

⁹ М. Кирчанов, *Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности*, «Центральная Азия и Кавказ» 2010, № 3, том 13, с. 148, <http://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-razvitiya-gruzinskogo-natsionalizma-v-usloviyah-politicheskoy-nestabilnosti-mezhdu-traditsiyami-politicheskoy> (8.09. 2015).

¹⁰ Там же, с. 152.

¹¹ Там же.

змом зависит от позиции и идентичности индивидов. Национализм основывается на стремлении сохранить свое национальное наследие за счет интересов представителей других общественных групп. Кроме того, национализм – это индивидуальная форма групповой идеологии, для которой характерен консерватизм в сохранении собственной культуры. Эта тенденция ориентирована на религию, язык, территорию, нацию. Причем доминантой является группа, а не индивид¹². Патриотизм, в свою очередь, представляет собой индивидуальный аспект идентичности, который преобладает над групповым. Патриотически настроенные члены общины проявляют интерес и уважение к представителям других культур, гордясь при этом своей национальной принадлежностью¹³.

Принимая во внимание такое истолкование национализма и патриотизма, нельзя согласиться с мнением о том, что к грузинам можно применять понятие национализма. Грузинской ментальности чужда враждебность по отношению к другим народам. Открытость для других наций – это главное качество грузинской идентичности. Приведенная нами выше дефиниция патриотизма вполне соответствует грузинскому характеру. Правда, можно при этом вспомнить хотя бы начало девяностых годов XX века и правление Звиада Гамсахурдия, который провозглашал идею «Грузия для грузин». Тогда многим нациям пришлось покинуть грузинскую землю. Однако при этом следует помнить, что это правление привело в упадок и довело до нищеты всю страну. Развитие такого сценария можно, пожалуй, объяснить ура-патриотизмом, возникшим в результате упадка СССР, и внезапным обретением свободы и независимости Грузией в 1989 году.

Обвинение грузин в национализме часто встречается в контексте абхазско-грузинского и осетино-грузинского конфликтов. Например, Инал Борисович Санакоев в своей диссертации пишет, что грузино-осетинское противостояние имело отчетливо выраженные признаки конфликта ценностей, или же идентичностей, обусловленного несовместимостью двух элементов грузинской и осетинской идентичностей – различных этностатусных представлений и разнонаправленных политических ориентаций. Автор далее утверждает, что «грузинский этнонационализм» заново «актуализировал грузино-осетинский конфликтный потенциал, несколько приглушенный в советский период, и способствовал столкновению этнических позиций сторон в условиях распада СССР»¹⁴.

¹² T. Paleczny, *Socjologiatości*, указ. соч., с. 98.

¹³ Там же, с. 98–99.

¹⁴ И.Б. Санакоев, *Политико-идеологические факторы эволюции грузино-осетинского конфликта*, Ставрополь 2004, <http://www.dissercat.com/content/politiko-ideologicheskie-faktory-evolyutsii-gruzino-osetinskogo-konflikta> (8.09.2015).

Ученый верно отмечает, что национальная политика властей СССР фокусировалась на обеспечении превосходства советского геополитического порядка. Для этого использовался прием наделения определенных административных единиц в рамках данной кавказской республики автономией и образования иллюзии «маленькой родины», независимой от политического центра страны. Неслучайно сразу после распада СССР почти во всех автономных республиках начались конфликты. В Грузии такая ситуация имела место в трех автономных республиках – абхазской, осетинской и аджарской (хотя в последней удалось избежать обострения и кровопролития).

Симптоматично, что пик этих конфликтов совпал с событиями 19–21 августа в Москве и попыткой захвата власти ГКЧП, участники которого пытались предотвратить распад СССР путём срыва подписания 20 августа 1991 года «Договора о Союзе суверенных государств», отменявшего «Договор об образовании Союза ССР 1922 года».

Августовский путч стал отличным предлогом для приверженцев бывшего режима в Грузии оказать свое сопротивление новым изменениям в стране, вызвать волнения и попытаться перехватить власть в Грузии¹⁵. Кстати, как отмечает А. Ментешашвили, истоки абхазского и осетинского сепаратизма коренятся в политике как царской России (события 1918–1921 гг.), так и советской России, которые поддерживали и разжигали сепаратизм на этих землях¹⁶. В итоге оба конфликта были вызваны Москвой, которая стремилась сначала остановить процесс распада СССР¹⁷ (Новоогаревский процесс¹⁸), а затем сохранить свои сферы влияния на Закавказье.

---

¹⁵ В результате этих провокаций президент Звиад Гамсахурдия был вынужден объявить в стране чрезвычайное положение. С 28 по 29 сентября велись переговоры, которые были сорваны вследствие отказа оппозиции от разоружения. Ситуация резко обострилась 22 декабря, когда произошел обстрел парламента и штурм Дома правительства вооруженной оппозицией. Митинги и демонстрации превратились в гражданскую войну, которая длилась с 22 декабря 1991 г. по 6 января 1992 г. Провокация оппозиции закончилась победой и образованием Военного Совета (2.01.1992–10.03.1992). 6 января 1992 года, в 3 часа утра президент Звиад Гамсахурдия был вынужден бежать из Грузии, а уже 7 января бывший министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе поздравил народ Грузии со свержением Гамсахурдия и заявил о своем желании сыграть роль в перестройке бывшей советской республики. (А. Chudzińska-Parkosadze, *Абхазия и Южная Осетия между Тбилиси и Москвой. Процесс распада СССР и формирование государственности Грузии в начале 90-ых гг.*, в: *Konflikty na Kaukazie Południowym*, под ред. P. Adamczewskiego, Poznań 2010, с. 149–165).

¹⁶ А. Ментешашвили, *Из истории взаимоотношений грузинского, абхазского и осетинского народов (1918–1921 гг.)*, Тбилиси 1999.

¹⁷ Такое мнение высказывает также А. Ментешашвили. См.: А. Menteszaszwili, *Konflikt gruzińsko-abchaski a Rosja*, „Pro Georgia” 1996, № V, с. 48.

¹⁸ Новоогаревский процесс – в апреле 1991 г. в Новоогареве состоялись переговоры о новом Союзном договоре, начатые Горбачевым с лидерами девяти советских республик:

Соответственно, национализм, в котором обвиняются грузины, на самом деле является плодом российской пропаганды и политики, а не качеством грузинского характера. Максим Кирчанов отмечает, что «с 2008 года можно говорить о усиливающемся антироссийском нарративе, стимулировавшимся не только грузинскими радикалами, но также русскими националистами и попытками руководства РФ возложить ответственность за конфликт на Грузию»¹⁹. Сегодня, в свете нынешних событий, т.е. российской агрессии на Украину, уже нет сомнений в том, что этот «антироссийский нарратив» оправдал себя.

События конца XX – начала XXI веков в постсоветском пространстве вызвали изменения в подходе к государственной и национальной идентичности. После распада СССР советская идентичность подверглась ревизии. Большинство граждан СССР осознавало преимущество, как в политической, так и в социальной сфере, Российской Федерации. Поколение, которое выросло в советской действительности, не представляло себе другой жизни и другого порядка вещей. Процесс трансформации сознания, а вместе с этим и идентичности, стал болезненным и сложным для всех граждан заново возродившихся демократических стран.

Нельзя забывать, что советское пространство объединено было общей политикой, экономикой, культурой, границами, средствами коммуникации и транспорта. Общим административным языком в этом пространстве был русский язык. После распада СССР во всех бывших советских республиках можно было наблюдать не только экономический и политический кризис, но и кризис национальной и государственной идентичности. Кризис идентичности возникает как результат разочарования в господствующих идеалах и ценностях, падения доверия к ним и к существующей власти. Причиной кризиса идентичности обычно оказывается комплекс факторов, среди которых ключевое значение имеет несоответствие статуса человека, коллектива, сообщества изменившимся условиям, усиливающаяся эмиграция, деградация социокультурной и духовной сфер²⁰.

России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Киргизии и Туркмении. Результатом переговоров, стало создание нового Союза Советских Суверенных Республик, официальное подписание которого было намечено на 20 августа 1991 г.

¹⁹ М. Кирчанов, *Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности*, указ. соч., с. 157–158.

²⁰ См.: К.С. Гаджиев, *Национальная идентичность: концептуальный аспект*, «Вопросы философии» 2011, http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=400&Itemid=52 (8.09.2015).

Грузинская идентичность также подверглась такому кризису. Падение доверия к власти – это явление, которое присутствовало в сознании граждан Грузии со времен правления Звиада Гамсахурдия, затем усиливалось при правлении Эдуарда Шеварднадзе, повлияло на провал Михаила Саакашвили и его партии, и нельзя сказать, что нынешнее правительство вызывает доверие грузин. В итоге, потоки эмиграции не уменьшаются. Эту кризисную ситуацию усугубляет постоянное напряжение с Россией, которое и привело к войне в 2008 году. Грузины все еще находятся на распутье между Россией, Европой и США.

После «революции роз» (22 ноября 2003 года) и обретения власти Михаилом Саакашвили и его партией «Национальное движение» Грузия начала свой путь в Евросоюз. Это кардинальное изменение вектора развития привело к переменам в области грузинской идентичности. Во-первых, наступило расчленение в грузинском обществе на молодое и старое поколение. Признаком этого расчленения можно считать ориентацию молодого поколения на знание английского языка при возрастающей неспособности общаться на русском языке. Во-вторых, началось поднятие уровня системы образования и выстраивание ее по европейскому образцу. Кроме того, по европейскому образцу выстраивалась политическая, экономическая, административная система управления в Грузии. Всем этим переменам способствовало постепенное совершенствование уровня жизненных условий.

Тем не менее, в ходе перемен оказалось, что грузинам труднее всего приспособиться к европейским нравам. Главная европейская ценность – толерантность, в Грузии воспринимается по-другому. Грузинская толерантность не допускает манифестации отклонений, в том числе и половых. Такого рода публичные заявления грузины считают социальным насилием, совершаемым по отношению к тем, которые не желают смотреть на публичное обнаружение интимных сфер человеческой жизни. Можно даже предположить, что европейский постмодерн идет в разрез с грузинской традицией. Несмотря на то, что грузины за последние десять лет усвоили быстрыми темпами европейскую геополитическую модель, европейский *ethos* грузинами не ассимилируется. С другой стороны, надо признать, что идеалы, легшие в основу европейской модели развития современных государств, такие, как демократия, толерантность, равенство, сотрудничество, основанное на доверии, потеряли свой изначальный блеск и однозначность. Более того, в свете происходящей в настоящее время агрессии России на Украину можно открыто заявлять о настоящем кризисе европейских ценностей, который также обнаруживает кризис самого Евросоюза.

Проблема трансформации грузинской идентичности, с одной стороны, отличается открытостью к другим нациям, к геополитическим нововведениям, стремлением к прогрессу и присоединению к более развитым государствам, но с другой, является предлогом конфликтов политического и социального характера. Этой трансформации способствует глобализация, проявляющаяся все более активным присутствием в жизни грузин как средств массовой информации (Интернет, спутниковое телевидение и т.д.), так и средств коммуникации и транспорта²¹.

Некоторые исследователи подчеркивают, что в Грузии европейская идентичность связана с христианской традицией, поскольку Грузия является одной из древнейших христианских стран мира (христианство в Грузии появилось уже в первых веках христианства)²². Тем не менее, стоит при этом помнить, что европейское христианство отличается от грузинского, и не только тем, что в нем заложено не патриархальное, а матриархальное начало, не только тем, что это грузинское православие, а не европейский католицизм (или протестантизм), но и тем, что ему совершенно чужды такие исторические явления, как инквизиция и истребление неверных. В этом свете идея европейской толерантности и духовности тускнеет в сопоставлении с ее грузинским эквивалентом.

Грузинскую идентичность можно отнести к типу «первобытной идентичности», так как ее основой является культурный аспект, выражающийся через кровную связь и связь с землей. Соответственно, проблема границ (не только морального порядка) в контексте грузинской идентичности стоит резче, чем в Европе, где границы становятся все более условными. Это относится, в первую очередь, к актуальной проблеме государственных границ Грузии (проблема захвата Россией Абхазии и Южной Осетии). Именно широко понимаемый вопрос границ отличает идентичность грузинскую от европейской. И только время покажет, можно ли эти идентичности синтезировать.

Abstract

At the beginning of XXI century, the issue of the identity occurs as one of the most crucial problems of the contemporary science. In the light of the recent tendency of interdisciplinary and holistic attempt towards inquiring phenomenon, identity found itself in the centre of the interest of many science disciplines such as politic

²¹ См.: Т. Paleczny, *Socjologia tożsamości*, указ. соч., с.106, 108.

²² См.: М. Кирчанов, *Основные направления развития грузинского национализма в условиях политической нестабильности*, указ. соч., с. 152.

science, social science, philosophy, linguistics, literature studies, cultural anthropology, and so on. Nowadays we live in the world of permanent changes of the global character that concern also the identity, as a collective phenomenon, and an individualistic one. The transformation of the identity is particularly promptly accomplishing in the new democratic countries, such as Georgia. This is a very interesting phenomenon showing the transformation from the soviet model of the national reality to the European one. The situation in Georgia is being especially curious because of the fact that the Georgians are changing their identity from the post soviet citizens to the potential Georgian-European citizens. What's more, this change does not mean the ignorance of the Georgian tradition. It turns out, that while the Georgians are willing to adapt the politic and economic European model, they are not so open to accept the European cultural patterns.

Keywords: Georgian identity, the post soviet identity, the European identity, tradition, cultural patterns